

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И ЛОГИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о том, оказал ли «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна какое-либо влияние на формирование и развитие логического позитивизма. Показано, что члены Венского кружка были знакомы с «Трактатом», однако практически ничего не приняли из его содержания. Рассуждения Витгенштейна о мире, о фактах, о структуре факта были отвергнуты ими как дурная метафизика, с которой они боролись. Отрицание причинности и лишение смысла научных законов не могли быть приняты представителями логического позитивизма, главной задачей которых был логический анализ языка науки с целью очищения его от метафизических понятий и построения единой науки на прочном эмпирическом фундаменте. Если члены Венского кружка были хотя бы знакомы с «Трактатом» Витгенштейна, то представители Берлинской группы, Львовско-Варшавской школы, Уппсальской школы и сторонники логического позитивизма в других странах едва ли о нем слышали. Это приводит к выводу о том, что «Трактат» Витгенштейна не оказал никакого влияния на логический позитивизм.

Ключевые слова: «Логико-философский трактат», логический позитивизм, причинность, закон науки, метафизика, эмпиризм, логика

LUDWIG WITTGENSTEIN AND LOGICAL POSITIVISM

Alexander L. Nikiforov – Dsc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

The article examines the question of whether L. Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* had any influence on the formation and development of logical positivism. It is shown that the members of the Vienna Circle were familiar with the *Tractatus*, but practically did not accept anything from its content. Wittgenstein's reasoning about the world, about facts, about the structure of fact were rejected by them as a bad metaphysics, with which they fought. The denial of causality and the deprivation of the meaning of scientific laws could not be accepted by representatives of logical positivism, whose main task was the logical analysis of the language of science in order to cleanse it of metaphysical concepts and build a unified science on a solid empirical foundation. If the members of the Vienna Circle were even familiar with Wittgenstein's *Tractatus*, then representatives of the Berlin Group, the Lvov-Warsaw School, the Uppsala School and supporters of logical positivism in other countries hardly heard of it. This leads to the conclusion that Wittgenstein's *Tractatus* did not have any impact on the logical positivism.

Keywords: *Tractatus Logico-Philosophicus*, logical positivism, causality, law of science, metaphysics, empiricism, logic

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня выхода в свет «Логико-философского трактата» Людвиг Витгенштейна. Эта небольшая книжка, в сущности, брошюра около 80 страниц, написанная в виде кратких афоризмов, до сих пор привлекает к себе внимание. Язык «Трактата» труден для понимания, его афоризмы допускают различные истолкования, что породило громадное число статей и книг, авторы которых до сих пор спорят относительно понимания тех или иных выражений и высказываний «Трактата». Достаточно сказать, что только у нас в стране вышло четыре разных его перевода, причем переводчики и редакторы этих изданий, будучи весьма профессиональными исследователями творчества Витгенштейна, порой довольно далеко расходятся друг с другом при переводе важнейших терминов и утверждений «Трактата». Известный отечественный автор В. Руднев не только издал свой перевод «Трактата», но снабдил каждый его афоризм своим истолкованием и комментарием [Витгенштейн, 2005]. До сих пор в нашей стране организуются конференции, посвященные творчеству Витгенштейна, и во многих городах и университетах у него есть пылкие поклонники.

Причем не только в нашей стране. Вот что пишет об этом финский философ и логик Я. Хинтиikka: «Людвиг Витгенштейн (1889–1951) является, вероятно, наиболее известным философом двадцатого века. О нем написано огромное число книг. “Витгенштейн” является одной из наиболее четких категорий специализации на кафедрах философии США» [Хинтиikka, 2015, с. 7]. Вот как! Не Б. Рассел или Э. Гуссерль, не Х. Ортега-и-Гассет, не М. Хайдеггер или К. Ясперс, не Т. Кун или К. Поппер, а Витгенштейн является «наиболее известным философом двадцатого века»!

Я думаю, это чрезвычайно сильно преувеличение. Философское содержание «Трактата» кажется мне чрезвычайно бедным и плоским, вклад Витгенштейна в развитие логики несопоставим с достижениями К.И. Льюиса, А. Гейтинга, А. Тарского, Я. Лукасевича, К. Айдукевича¹. Здесь я хочу рассмотреть лишь один вопрос: какое влияние оказал Витгенштейн и его «Трактат» на логический позитивизм?

Почему-то сложилось и получило широкое распространение убеждение в том, будто Витгенштейн был чуть ли не родоначальником логического эмпиризма, будто это философское движение развивало идеи, заложенные в его «Трактате». В. Руднев в своем приложении к переводам работ Витгенштейна, озаглавленном «Божественный Людвиг (Жизнь Витгенштейна)», пишет, что «Трактат» был для логических эмпиристов «чем-то вроде Библии» [Витгенштейн, 2005, с. 431].

¹ См. об этом мою статью: [Никифоров, 2018] Мою оценку «Трактата» оспорила мой давний друг З.А. Сокулер [Сокулер, 2018]. Зинаида Александровна является не только поклонником Витгенштейна, но и признанным исследователем его творчества, см. ее книгу [Сокулер, 1994].

По-видимому, все это основано на недоразумении. Влияние Витгенштейна на логический позитивизм представляется незначительным.

Как известно, в 1922 г. заведовать кафедрой натуральной философии в Венском университете – кафедрой, которая была создана для Э. Маха и которой после его ухода заведовал Л. Больцман – был приглашен молодой профессор М. Шлик, получивший известность после опубликования одной из первых книг, посвященной философскому осмыслению теории относительности. В 1924 г. члены кафедры предложили ему организовать постоянный «вечерний кружок», на собраниях которого можно было бы обсуждать актуальные проблемы науки и философии. А в то время было что обсуждать! Получила признание специальная теория относительности, а А. Эйнштейн выступил уже с новой – общей теорией относительности, активно формировалась квантовая механика, в социальной жизни – Первая мировая война, крушение трех монархий, революция в России. На этот еженедельный вечерний кружок стали собираться не только студенты и аспиранты – ученики Шлика, но и известные ученые – Г. Ган, В. Крафт, Ф. Франк, О. Нейрат. Профессор математики Г. Ган для первых обсуждений предложил рассмотреть роль и значение символической логики, представленной в систематическом виде Б. Расселом и А. Уайтхедом в трехтомной труде *Principia Mathematica* (1910–1913). Зимой 1924–1925 гг. члены кружка познакомились с «Трактатом» Витгенштейна. Ган характеризовал это произведение как вносящее вклад в математическую логику. Как известно, «Трактат» был опубликован в 1921 г., но не привлек к себе никакого внимания. И только после выхода в свет в 1922 г. его перевода на английский язык с предисловием Рассела к нему стали проявлять интерес. В том же 1925 г. по приглашению М. Шлика в Вену из Праги прибыл Р. Карнап с рукописью своей книги *Der Logische Aufbau der Welt* («Логическое построение мира»). Карнап прочитал несколько лекций для членов Кружка и его рукопись была подвергнута тщательному изучению. Она была опубликована в 1928 г. По-видимому, именно книга Карнапа послужила идейной основой философской программы нового направления.

Правда, руководитель Венского кружка М. Шлик был очень высокого мнения о Витгенштейне и даже организовал несколько встреч с ним отдельных членов Кружка, в частности, Г. Фейгля и Р. Карнапа. Однако попытки членов Кружка в разговорах с Витгенштейном прояснить или уточнить какие-то положения «Трактата» окончились ничем. Витгенштейн не желал ничего обсуждать, вел себя на этих встречах грубо, порой даже поворачивался к гостям спиной и начинал декламировать стихи. Его непрерывные разглагольствования, экстравагантная манера общения, раздражительность и несокрушимый апломб отталкивал людей, уже привыкших к коллективной работе, к совместному спокойному обсуждению проблем.

К концу 20-х гг. члены семинара Шлика осознали постепенно сложившееся единство своих взглядов на философию и науку. Эти взгляды получили выражение в манифесте нового философского направления «Научное миропонимание. Венский кружок», написанного Р. Карнапом, Г. Ганом и О. Нейратом в 1929 г. Характерно, что, перечисляя своих предшественников в науке, логике и философии, авторы упоминают Э. Маха, А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, Д. Гильберта и других ученых и философов. Витгенштейн упоминается вслед за Г. Фреге, Б. Расселом и А. Уайтхедом как один из тех, кто внес вклад в разработку логики.

В своем Введении к первому номеру журнала *Erkenntnis* (1930–1931) – печатного органа нового философского направления, один из его издателей Г. Рейхенбах писал: «Целью философии мы считаем познание – познание в том же смысле, в котором оно является целью конкретных наук, поэтому для названия нашего журнала мы выбрали это слово. Наш журнал не будет выражением мнений, искусственно придуманных систем или поэтических фантазий. Он будет познанием» [Рейхенбах, 2007, с. 97]. Логические позитивисты исходили из того, что с абсолютной достоверностью мы можем знать только то, что дано нам в чувственном опыте (*Gegebene*), который выражается в так называемых «протокольных предложениях», фиксирующих чистый чувственный опыт. Поэтому они сразу же отбросили рассуждения Витгенштейна о фактах, о зеркальном отображении фактов в образах и предложениях как дурную и бессмысленную метафизику. Как они могли отнестись к таким утверждениям «Трактата»:

1. Мир есть все то, что имеет место.
- 1.1. Мир есть совокупность фактов, а не предметов.
- 2.04. Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир.

Они бы спросили: «Откуда ты это знаешь? Можешь ли ты эмпирически обосновать свои утверждения?». К тому же Витгенштейн в «Трактате» выступает с критикой науки и лишает смысла научное познание:

- 5.1361. События будущего не могут выводиться из событий настоящего. Суеверие есть вера в причинную связь.
- 6.371. В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений.

Для логических позитивистов наука была высшей ценностью, они и философию стремились сделать «научной», а К. Поппер и К. Гемпель разработали дедуктивно-номологическую модель научного объяснения, согласно которой объяснить некоторое явление значит подвести это явление под причинный закон. Да и как они могли отнестись к произведению, автор которого сам объявляет его бессмысленным:

- 6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх)?

Как писал позднее О. Нейрат, «Венский кружок приложил много усилий для того, чтобы выделить логическое ядро из “Трактата”, высоко оцененного Расселом, чтобы освободить логику из метафизического панциря “Трактата”» [Neurath, 1981, S. 697]. По-видимому, из «Трактата» Витгенштейна логические позитивисты заимствовали одну мысль (правда, восходящую к Расселу): предложения логики и математики ничего не говорят о мире, они являются бессодержательными тавтологиями. Для эмпиризма всегда было трудной проблемой истолкование природы логико-математических утверждений. Теперь трудность была преодолена. Существуют предложения эмпирической науки, говорящие что-то о мире и проверяемые эмпирическими методами, и имеются логико-математические тавтологии, не относящиеся к миру, но служащие для преобразования одних предложений в другие. Предложения традиционной метафизики не являются тавтологиями, но не допускают и эмпирической проверки. Следовательно, они лишены научного смысла, т.е. являются псевдопредложениями.

Но если члены Кружка приняли какие-то логические идеи Витгенштейна, то все остальное – основное – содержание «Трактата» не получило у них никакого отклика. Витгенштейн объявил философию бессмысленной, позитивисты же сохранили за ней смысл – они стремились сделать философию научной, развивая идеи, высказанные ранее Расселом. Метафизика, т.е. философские рассуждения о бытии, должна быть отброшена, однако помимо этого у философии сохраняется еще много важных задач. Важнейшей задачей философии они считали эмпирическое обоснование научного знания. В основании науки лежат данные органов чувств, выражаемые несомненными протокольными предложениями. Все остальные предложения и понятия науки должны быть верифицированы, т.е. посредством логических процедур сведены к протокольным предложениям. Процедуры верификации должны были выявлять эмпирическое содержание научных предложений. Здесь они шли вслед за Махом, который также ставил перед собой задачу очистить науку от метафизических понятий. Если Витгенштейн полагал, что философия – это деятельность по прояснению предложений, то для позитивистов задача философии состояла в том, чтобы с помощью логического анализа выявлять эмпирическое содержание научных предложений и освобождать язык науки от лишенных эмпирического содержания псевдопредложений.

Да, логические эмпиристы свели философию к логическому анализу языка науки и анализу структуры научного знания. Они ставили перед собой высокую цель – построение единой науки, опирающейся

на абсолютно достоверный эмпирический фундамент. В процессе движения к этой цели они описали структуру научной теории, сформулировали логические схемы объяснения и предсказания, дали точное описание эмпирических методов познания – наблюдения, измерения, эксперимента, короче говоря, внесли весьма значительный вклад в развитие философии науки. Они сформулировали концепцию, которая на протяжении 30 лет была господствующей в философии науки. Ко всему этому «Трактат» Витгенштейна не имел никакого отношения. Логический позитивизм опирался на идеи Э. Маха, Г. Фреге и Б. Рассела, но не Витгенштейна. Если мы перелистаем номера журнала *Erkenntnis*, то мы найдем в них статьи, посвященные соотношению математики и логики, философскому осмыслению идей А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, Н. Бора, интерпретации понятия истины как предельного случая вероятности, осмыслению значения квантовой механики для теории познания. Авторы журнала провели дискуссию о природе протокольных предложений, много писали о физикалистском языке как едином базисном языке всех наук, о создании единой науки, объединяющей в одну систему знания, полученные в разных научных дисциплинах.

Следует к тому же учесть, что когда говорят о влиянии «Трактата» Витгенштейна на логический позитивизм, то имеют в виду почти исключительно Венский кружок. Действительно, М. Шлик, Ф. Вайсман и еще несколько членов Кружка попали под обаяние Витгенштейна, однако большая часть членов Кружка осталась к нему равнодушна или была настроена критически по отношению к «Трактату». К тому же движение логического позитивизма не ограничивалось лишь Венским кружком. В этом движении активное участие принимало Берлинское общество эмпирической философии во главе с Г. Рейхенбахом. В него входили К. Гемпель, В. Дубислав, К. Греллинг и другие ученые и философы. К движению примкнули представители Львовско-Варшавской школы – Ст. Лесневский, Я. Лукасевич, А. Тарский, К. Айдукевич и др., Уппсальская школа в Скандинавии. Странники этого направления были во Франции, Дании, Англии (А. Айер), в США (Ч. Моррис, У. Куайн). Большинство ученых и философов, разделявших идеи логического позитивизма, но далеких от Вены, даже и не слышали о Витгенштейне и его «Трактате». Поэтому вряд ли можно говорить о том, что «Трактат» Витгенштейна оказал какое-то влияние на рождение и развитие логического позитивизма.

Тем не менее, как мы видели, «Трактат» до сих пор привлекает к себе внимание – его переводят, комментируют, о нем спорят. Почему? Его философское и логическое содержание ничтожно. В приведенном выше афоризме 6.54 сам автор говорит о том, что предложения «Трактата» бессмысленны, что после прочтения его следует выбросить, однако этого до сих пор не произошло. Эту бессмыслицу продолжают пережевывать и комментировать.

Быть может, отчасти это обусловлено как раз неясностью, расплывчатостью афоризмов «Трактата». Действительно, если автор выразил свои мысли ясным языком, то с ним можно согласиться или подвергнуть его идеи критике и противопоставить им собственные идеи. Благодаря этому осуществляется развитие философии. Но если высказывания автора допускают различные истолкования, то задача часто сводится к тому, чтобы дать им какую-то интерпретацию, как-то истолковать их. Разные читатели будут интерпретировать высказывания автора различным образом и спорить друг с другом по поводу интерпретаций. Так возникает обширная литература, посвященная, в сущности, не обсуждению проблем, а спорам о словах. Так появляются четыре разных перевода «Трактата» на русский язык. Это вырождение философии в схоластическую болтовню.

Но, конечно, гораздо более важно то, что в 30-е гг. XX в., особенно после 1936 г., когда на ступенях Венского университета был застрелен М. Шлик, очень многие представители логического позитивизма вынуждены были эмигрировать из Европы в Англию и США. Р. Карнап устроился в Чикаго, К. Гемпель профессорствовал в Принстоне, Г. Фейгль – в Университете Миннесоты, К. Гедель – в Принстоне, Г. Рейхенбах – в Калифорнийском университете, А. Тарский – в Гарварде и т.д. Конечно, они заняли ведущее положение на философских кафедрах американских университетов. Однако их философские взгляды и программа эмпирического обоснования науки не были восприняты их американскими учениками. Распространение получила лишь идея анализа языка, которая легла в основу аналитической философии. Но если логические позитивисты говорили об анализе научного языка, то под влиянием позднего Витгенштейна англо-американские аналитические философы обратились к анализу обыденного языка. Если в качестве инструмента анализа логические позитивисты использовали математическую логику, то аналитические философы обратились к лингвистическому анализу. Таким образом, была утрачена связь с наукой и логикой. Поскольку поздний Витгенштейн оказал большое влияние на формирование аналитической философии, его труды, в частности, единственный опубликованный при жизни «Трактат», привлекали большое внимание.

Во второй половине XX в. английский язык становится господствующим в философии. Для того чтобы получить известность, нужно публиковаться на английском. Естественно, что труды англо-американских аналитических философов пользуются широчайшей известностью. Это обусловлено общим доминированием США в современном мире. Поскольку для аналитических философов одной из ключевых фигур является Витгенштейн, постольку и его «Трактат» до сих пор является иконой. Многие отечественные философы рассматривают англо-американскую аналитическую философию как мировой тренд и стремятся усвоить стиль и проблематику аналитической философии.

Возможно, этим и объясняется то обстоятельство, что до сих пор «Трактат» привлекает к себе внимание.

Впрочем, следует признать, что есть в «Логико-философском трактате» какая-то странная притягательность. Когда начинаешь читать его и постепенно переходишь от тезиса к его уточнению, к его расшифровке, углублению: мир есть то, что существует; существуют факты; мир состоит из фактов; факты складываются из предметов,.. то текст как бы всасывает тебя подобно водовороту, из которого невозможно вырваться. Поэтому я могу понять людей, влюбленных в это произведение, и поздравляю их с его столетним юбилеем.

Список литературы

Витгенштейн, 2005 – *Витгенштейн Л.* Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева, М.: Территория будущего, 2005. 440 с.

Витгенштейн, 2008 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. 288 с.

Никифоров, 2018 – *Никифоров А.Л.* Не все то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

Рейхенбах, 2007 – *Рейхенбах Г.* Введение // *Журнал Erkenntnis* («Познание»). Избранное / Пер. с нем. А.Л. Никифорова. М.: Идея-Пресс, 2007. С. 95–97.

Сокулер, 2018 – *Сокулер З.А.* Мал золотник, да дорог (особенности онтологии, теории познания и философии науки в «Логико-философском трактате Л. Витгенштейна» // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 1. С. 173–187.

Сокулер, 1994 – *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.: курс лекций. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.

Хинтиikka, 2015 – *Хинтиikka Я.* О Витгенштейне / Сост., ред. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2015. 272 с.

Neurath, 1981 – *Neurath O.* Gesammelte philosophische und methodologische Schriften / Ed. by R. Haller and H. Rutte. 2 Bde., Wien, 1981.

References

Hintikka, J.; Surovtsev, V.A. (ed.) *O Vitgenshteine* [On Wittgenstein]. Moscow: Kanon+, 2015, 272 pp. (In Russian)

Neurath, O.; R. Haller and H. Rutte (eds.). *Gesammelte philosophische und methodologische Schriften*. 2 Bde., Wien, 1981.

Nikiforov, A.L. “Ne vse to zoloto, chto blestit (‘Logiko-filosofskii traktat’ L. Vitgenshteina)” [All Is Not Gold That Glitters: Wittgenstein’s *Tractatus*], *The Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 160–172. (In Russian)

Reichenbach, H.; A.L. Nikiforov (trans.) “Vvedenie” [Introduction], *Zhurnal Erkenntnis* («Poznanie»). *Izbrannoe* [*Erkenntnis* Journal. Selected Papers]. Moscow: Idea-Press, 2007, pp. 95–97. (In Russian)

Sokuler, Z.A. “Mal zolotnik, da dorog (osobennosti ontologii, teorii poznaniya i filosofii nauki v «Logiko-filosofskom traktate» L. Vitgenshteina)” [Small Rain Lays Great Dust: Peculiarities of Ontology, Theory of Knowledge and Philosophy of Science in Wittgenstein’s *Tractatus Logico-Philosophicus*], *The Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 1, pp. 173–187. (In Russian)

Sokuler, Z.A. *Lyudvig Vitgenshtein i ego mesto v filosofii XX v.: kurs leksii* [Ludwig Wittgenstein and His Place in the Philosophy of XX Century: Lectures]. Dolgoprudny: Allegro-Press, 1994, 173 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Kanon+, 2008, 288 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L.; V. Rudnev (trans.) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya Budushchego, 2005, 440 pp. (In Russian)